Чувашские сказки

Иван-простак

У одного царя было три сына. Старший и средний были люди деловые, занимались торговлей, а младший сын Иван больше бездельничал. Деньги у него не держались, он их раздавал нищим, за что его и прозвали Иван-простак. Придет нищий или убогий к Ивану, он его накормит, напоит, приоденет да еще и золотой на дорогу даст. Царю-отцу это, понятное дело, не нравилось и решил он выпроводить младшего сына из своего царства.

Портные сшили Ивану дорожный кафтан, мать испекла три лепешки, и пошел добрый молодец из родного дома куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли он идет, попадается ему навстречу Шурсухал – старый белобородый старик.

– Куда идешь, Иван? – спрашивает старик.

Так и так, объясняет Иван, отец меня выгнал из своего царства, домой дорога мне заказана, иду куда глаза глядят.

– У меня с самого утра во рту еще крошки не было, не найдется ли у тебя что-нибудь поесть?

– В дорогу мне мать три лепешки испекла, – отвечает Иван, – я с тобой поделюсь, – и отломил старику половину лепешки.

Старик поел, поблагодарил Ивана, и они разошлись. Сам Иван тоже с утра ничего не ел, да только с горя никакая пища в горло не идет.

Много ли, мало ли прошло времени – опять встречает Иван знакомого старика.

– Как себя чувствуешь, Иван?

– Слава богу, – отвечает Иван.

– Не осталось ли у тебя чего-нибудь поесть, что-то проголодался я в дороге.

– Матушкины лепешки у меня еще целые, давай вместе поедим, – сказал Иван и вытащил из котомки свою нехитрую еду. К тому времени Иван и сам успел проголодаться, и они съели каждый по лепешке.

Поблагодарил старик Ивана, и они расстались. Через какое-то время опять бородатый старик повстречался Ивану, опять справился о его здоровье, а потом сказал:

– Успел проголодаться я, не осталось ли у тебя какой-нибудь еды?

– Осталось у меня пол-лепешки, – ответил Иван, – давай сядем и съедим ее.

Съели они последнюю половину лепешки, старик поблагодарил Ивана и говорит:

– Ты теперь находишься уж в другом царстве-государстве. Здешнему царю нужны пастухи. Так вот ты иди и наймись к нему. А когда наймешься, возьми полную котомку хлеба и пригоняй стадо на это самое место, где мы с тобой сидим.

Иван пришел в стольный город, явился к царю:

– Не возьмешь ли меня в пастухи? Царь отвечает:

– Почему бы не взять такого молодца, возьму, только у меня уговор: если хоть одну овцу потеряешь – голову с плеч долой, а потом – на высокую жердь. Вон, она уже приготовлена.

Иван оглянулся и увидел, что царский двор утыкан жердями, на которые были насажены головы прежних пастухов. Одна жердь стояла пустая.

– Завтра утром я дам тебе по счету сто овец, котомку хлеба и паси на здоровье.

Иван согласился.

Наутро царь отсчитал сто овец, дал котомку хлеба, и погнал Иван стадо в поле.

На поле уже ждал его седобородый старик.

– Ну что, пришел, Иван? – опрашивает старик.

– Как видишь, пришел, – отвечает Иван.

– А хлеба принес?

– Целую котомку. Если хочешь, можем хоть сейчас же поесть.

Они сели на бугорок, наелись досыта. Старик говорит Ивану:
– Ну, Иван, ты ложись, поспи, а я за тебя попасу. – Ладно, – согласился Иван, лег и захрапел.
Много ли, мало ли времени прошло, Иван проснулся, глядит – нет ни старика, ни овец. Только где-то вроде пастуший кнут пощелкивает. Пошел Иван в ту сторону и нашел пастуха со стадом.
– Овцы все целы? – первым делом спрашивает Иван.
– Все, можешь и не считать: двести овец, – отвечает старик. – Солнце на закат пошло, пора тебе и возвращаться.
Погнал Иван овец на царский двор.
– Все ли овцы целы? – спрашивает царь.
– Считай: двести голов, – отвечает Иван.
Царь удивился, не поверил, а когда пересчитал и убедился, что стадо и впрямь прибавилось на сто голов – удивился еще больше. "Вот это пастух! У других пастухов овцы терялись, а у этого прибавляются..."На другое утро насчитал он Ивану двести овец и опять дал котомку хлеба.
Пригнал Иван стадо на поле, а там уже сидит знакомый старик.
– Пришел, Иван? – спрашивает.
– Пришел, – отвечает Иван.
– А хлеба принес? А то я нынче пуще вчерашнего проголодался.
– Хлеба – полная котомка. Давай сядем и поедим. Поели досыта, старик говорит Ивану:
– Ты, Иван, приляг, отдохни, а я постерегу овец. Иван лег спать, а старик остался при стаде.
Много ли, мало ли Иван спал, а только проснулся – ни старика, ни овец нет. Слышно лишь, что пастуший кнут вдалеке пощелкивает. Нашел Иван старика, спрашивает:
– Овцы все целы?
– Все триста, как одна овца, – отвечает старик. – Время уже возвращаться, царь, небось, заждался тебя.
Собрал Иван овец, погнал на царский двор. Первый вопрос у царя:
– Овцы все целы?
– Не лень – сосчитай, – отвечает Иван и даже не говорит, сколько овец пригнал.
Царь насчитывает триста голов и удивляется больше вчерашнего.
Наутро царь отделил триста овец, дал котомку хлеба, и Иван погнал стадо в поле. Белобородый старик уже поджидал его.
– Пригнал, Иван, стадо? – спросил старик.
– Пригнал, – ответил Иван, – и хлеба целую котомку принес, давай-ка сядем, поедим.
Наелись они досыта, Иван лег спать, а старик остался при стаде.
Много ли, мало ли прошло времени, Иван проснулся, глядит – ни старика, ни овец. Слышно только вдали: кнут пощелкивает. Нашел старика, на всякий случай спросил:
– Овцы все целы?
– Все четыреста налицо, – ответил старик. – Можешь гнать овец на царский двор. Если завтра царь тебя и не пошлет стадо пасти, все равно бери котомку хлеба и приходи в поле.
Пригнал Иван овец на царский двор.
– Все целы? – спрашивает царь.
– Четыреста, – отвечает Иван, – а не веришь – сосчитай. Царь и считать не стал, чего уж там, и так видно, что пригнал Иван овец вечером не меньше, а больше, чем угнал утром.
Никакой работы царь Ивану наутро не дал; делай, что хочешь. Однако же хлеба было разрешено взять, как и прежде, полную котомку.
Пошел Иван в поле, накормил белобородого старика, сам наелся.
– Спасибо тебе, Иван, за то, что до отвала накормил меня хлебом, – сказал старик. – Чем я тебя

могу отблагодарить?
– Сначала я тебя кормил родительским хлебом, потом опять же не своим, а царским, так что и благодарить меня не за что, – ответил Иван.
– Все же кое-что на память я тебе подарю, – настоял на своем старик. – Пойдем со мной, – и повел Ивана в лес.
Когда они пришли в лес, то в середине большого орехового куста Иван увидел воткнутую в землю саблю. Старик взял ее, дважды, крест-накрест, махнул ею, и на том месте земля разверзлась. Они спустились по ступенькам в открывшуюся бездну, и перед ними, как из-под земли, вырос чудный конь. Громко ржет, бьет землю копытом, не конь – огонь.
– Я дарю тебе этого коня, – сказал старик. – Будет нужда – махни крест-накрест саблей по кусту орешника. Сила потребуется – вот здесь стоит чан с водой, которая силу прибавляет : сам пей два ковша, коню давай три ведра. Если мало будет – выпей вдвое, а коню дай втрое больше. Запомни это место и, когда надо, приходи сюда.
Иван поблагодарил старика и они расстались.
Много ли, мало ли времени пролетело, в царство-государство, где теперь жил Иван, пришла бумага: царь должен отдать на съедение шестиглавому змею или свою дочь, или сотню солдат.
Царь стал размышлять: «Если я сто солдат женю, и у них родится по сыну – войско мое еще на сто воинов прибавится. Если же дочь замуж выдам, и у нее родится сын – прибавка будет только на одного человека... Так что, пожалуй, придется отдать змею дочь».
Чтобы дочери было не так страшно, чтобы она раньше времени не испугалась шестиглавого змея, глаза ей завязали платком.
Царскую дочь с завязанными глазами повели на берег моря. А Иван тем временем пошел в лес, провел крест-накрест по кусту орешника саблей и вывел из подземелья вороного коня.
Конь напомнил:
– Ты, Иван, сам два ковша пей, а мне три ведра дай. Иван выпил два ковша, напоил коня, вскочил на него истрелой понесся на берег моря.
На берегу Иван отпустил коня, подошел к царской дочери, снял платок с ее глаз. Царевна увидела перед собой богатыря-красавца и не узнала в нем вчерашнего пастуха.
Море заволновалось, высокие валы с белопенными гребнями покатило на берег. Это шестиглавый змей выходил из недр морских.
– А! Вместо одного прислали двоих, – загремел железным голосом змей. – Что ж, спасибо.
– Не торопись благодарить, – смело ответил Иван, – смотри, как бы один из двоих не встал поперек глотки.
– А это мы сейчас узнаем, – прошипел змей. – Начинай. Иван ударил шашкой – три головы у змея срубил.
– Эта твоя сила – еще не сила. Держись! – и змей ударил Ивана хвостом и загнал его в землю по щиколотки.
Иван, в свою очередь, еще раз махнул саблей и срубил последние три головы. После этого изрубил и самого змея и бросил в море. Вода в море стала красной.
Царская дочь за свое спасение одарила Ивана вышитым платком. Иван взял его, вскочил на коня и ускакал в лес.
Случившийся поблизости рыбак подошел к царевне и, грозя смертью, вынудил ее признать его спасителем. И когда мать-царица спросила дочь, кто ее спас от неминучей смерти, та ответила: «Вот этот рыбак».
По такому радостному случаю царь устроил пир и на этом пиру посадил рыбака на почетное место и угощал, как самого дорогого гостя.

Много ли, мало ли времени пролетело – пришла новая бумага: царь должен отдать на съедение девятиглавому змею или свою дочь, или двести солдат.
Ну уж, если царь пожалел сотню солдат, две-то и подавно. Царевне завязали глаза и отвели на берег моря.
Иван вывел из подземелья своего чудесного коня, напоил его, сам напился и прискакал к морю.
Царевна сразу узнала своего спасителя, когда Иван развязал ей глаза.
Возмутилось, вспенилось море, вышел из него девятиглавый змей.
– Хоть ты и погубил моего младшего брата, со мной тебе не справиться, – громовым голосом говорит змей. – Я – сильнее.
Началась борьба. Иван выхватил саблю и срубил за один удар три змеиных головы.
– Твоя сила – это еще не сила. Держись! – и змей ударил Ивана хвостом, и увяз Иван в землю по колено.
Тогда Иван, не давая опомниться змею, дважды, раз за разом, махнул своей саблей и отрубил остальные шесть голов. После этого самого змея на мелкие части изрубил и бросил в море.
Морская вода сразу стала кровавой.
Царевна за свое спасение подарила Ивану именное колечко. Иван вскочил на коня – и был таков.
А проезжавший мимо водовоз подошел к царевне и под страхом смерти заставил признать себя ее спасителем: он, мол, убил змея своим черпаком. Так царевна и сказала отцу с матерью, и царь угощал водовоза, как самого дорогого гостя.
Много ли, мало ли времени утекло – новую бумагу царь получает: подавай змею или свою дочь или триста солдат. Если триста солдат отдать – без войска останешься, придется царевной жертвовать.
Царской дочери завязали глаза и отвели к морю. Иван, не теряя времени, пошел в лес и вывел своего чудесного коня из подземелья.
Конь ему говорит:
– На этот раз, друг Иван, нам будет нелегко. Придется биться с таким большим змеем, что его от головы до хвоста и взглядом не охватишь. Примчимся на берег моря, ляг, немного поспи, силы поднакопи. А когда начнешь драться со змеем, прислушивайся, и если я стану бить копытом – вели царской дочери отвязать меня. А теперь дай мне девять ведер сильной воды, сам семь ковшей выпей.
Иван напоил коня, сам попил. Поскакали к морю. Тут Иван развязал глаза царевне, потом нагнул иву, привязал к ее макушке камень.
– Как только змей появится, – наказал он царской дочери, – разбуди меня этим камнем.
После этого лег и тут же уснул.
Далеко в море вздыбились белопенные волны и с шумом покатились на берег: змей показался.
Царская дочь разбудила Ивана. Тот потянулся и встал.
– Как раз ко времени! – и наказал царевне: – Когда начнем со змеем биться и конь ударит копытом – отвяжи его.
Огромный, одноголовый змей вышел на берег, увидел царскую дочь с Иваном, усмехнулся:
– Вместо одной – двое! Хорошо.
– Как бы один из двоих не встал тебе костью в горле, – ответил Иван.
– А это мы сейчас увидим. Ну-ка, покажи свою силу. Иван выхватил свою острую саблю, отрубил змею голову, но она тут же опять приросла. В свою очередь змей ударил Ивана своим длинным хвостищем – Иван ушел в землю по пояс. Изловчился Иван, собрал силы и еще раз ударил змея саблей. Опять змей остался невредимым, в свой черед ударил Ивана хвостом, и ушел Иван в землю по самую грудь. Тут конь начал бить копытом, царевна отвязала его, и он выручил Ивана.

Налетели они на змея с двух сторон: Иван саблей рубил, конь копытами топтал – одолели злодея. Царская дочь написала на бумажке, кто является ее спасителем и отдала эту бумажку Ивану. Иван сел на коня и ускакал.

А царевну по дороге домой встретил трубочист и потребовал, чтобы та сказала отцу с матерью, что он ее спас. Ну, уж погулял трубочист на царском пиру, попил и поел вволю.

Иван на этот раз вернулся домой со своей саблей, написал на ней: «Пока сам не встану, не будить!» – и лег спать.

Три дня и три ночи спал Иван. Царевна увидела, что он написал на сабле, и берегла сон своего спасителя: ни собаки поблизости не лаяли, ни люди по улице не ходили.

Царь радовался, что и солдаты у него сохранились в целости, и дочь осталась живой. Только что-то много набиралось у нее спасителей. Кто же из них настоящий?

Повелел царь призвать их всех во дворец. Первым явился рыбак, за ним – водовоз, за водовозом – трубочист. За Иваном послали коляску. Поставил Иван ногу в ту коляску – ось обломилась. Пришлось другую посылать. Только успел сесть во вторую – и эта не выдержала, развалилась.

«Ладно, пешком дойду», – сказал Иван царским слугам.

Пришел Иван в царский дворец, а тут уже сидят и рыбак, и водовоз, и трубочист.

– Ну, так кто из вас настоящий спаситель моей дочери? – спрашивает царь.

Рыбак, водовоз и трубочист в один голос отвечают:

– Мы спасли твою дочь.

– А чем докажете? – допытывается царь.

Ни у рыбака, ни у водовоза, тем более у трубочиста никаких доказательств, понятное дело, нет.

И тут Иван вытаскивает из кармана вышитый царской дочерью платок и говорит:

– Это – за ее первое спасение. Показывает именное колечко и говорит:

– Это за второй бой со змеем.

Достает из кармана бумажку, исписанную рукой царской дочери, и подает ее царю:

– Это – за третью мою победу над змеем.

После этого повытолкал царь взашей самозваных спасителей, а за Ивана отдал свою дочь. Еще при жизни он выделил Ивану полцарства, а когда умирал – завещал зятю и вторую половину своих владений. Долго, говорят, правил Иван своим царством, и все им были довольны.